

В.А. ВОЛКОВ

СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА

(1632–1634 гг.)

В исторической науке события Смоленской войны, как правило, соотносятся с Тридцатилетней войной 1618-1648 гг. - первым масштабным всеевропейским вооруженным конфликтом. Однако, при очевидном антипольском, а в итоге и антигабсбургском курсе Московского государства, включение России в группировку стран, борющихся с Католической лигой и Империей Габсбургов, стало бы большой и серьезной ошибкой. Русское правительство, используя благоприятную международную обстановку, стремилось решить свои территориальные проблемы, порожденные неудачным исходом войны с Польско-Литовским государством в начале XVII в. Совпадение дат - заключения русско-польского соглашения в с. Деулино и начала Тридцатилетней войны примечательно. Империя, нанося удар по протестантским государствам Германии, теперь могла рассчитывать на упрочившую свои позиции Речь Посполитую, ставшую своеобразным форпостом католического мира против серьезно ослабленного в Смутное время Московского государства, значительно окрепшей в военном отношении Швеции и все еще грозной Турции.

К началу 1630-х гг. Россия, смогла оправиться от удара нанесенного ей в начале XVII в., что стало неприятным сюрпризом для руководителей объединения католических государств, полагавших, что в момент решительного столкновения с коалицией протестантских стран и Францией, ослабленная прошлыми поражениями Россия окажется вне начавшейся в Европе большой войны. С целью нейтрализации быстро крепнувшего Московского государства, финансовая стабилизация которого была достигнута благодаря жестко контролируемой царской монополии на продажу хлеба и других важнейших экспортных товаров, Империя на долгие годы отказалась от помощи одного из первейших и надежных своих союзников - Польско-Литовского государства, действия которого были связаны нависшей над его восточными границами русской угрозой.

Для антигабсбургской коалиции, и прежде всего для Швеции, произошедшее быстрое государственное возрождение России и нескрываемая враждебность, выказанная ее правительством к Польше, открывали заманчивые перспективы для использования русской финансовой и военной поддержки. Расчеты шведского короля Густава II Адольфа, стремившегося втянуть Московское государство в орбиту своей политики,

оправдались. Несмотря на заключение им 26 сентября 1629 г. Альтмаркского перемирия с Польшей, оставившего Россию по сути наедине с Речью Посполитой, правительство Михаила Федоровича, продолжило согласованную ранее со Швецией подготовку к войне с Польско-Литовским государством. Москва не скрывала намерения вернуть Смоленщину и Черниговщину, а при успешном развитии событий отвоевать белорусские и украинские земли. Свою роль сыграла не только не оправдавшаяся надежда на турецкую помощь, но и обещание военно-технического содействия со стороны Швеции. Об этом недвусмысленно говорили в Москве представители Стокгольма Ж. Руссель, И. Меллер и А. Моньер, разъяснившие русским властям причины прекращения польско-шведской войны, начатой еще при его отце Карле IX в 1598 г. Шведские дипломаты, оправдывая действия своего короля, ссылались на необходимость начала военных действий против войск союзной Польше Католической лиги, теснившей слабые армии немецких протестантов. Определенная помощь России была действительно оказана. Необходимо отметить факт передачи шведами, по прямому распоряжению Густава II Адольфа, секретной технологии отливки легких (полевых) пушек, использование которых в военных действиях давало в то время шведам решающее преимущество перед вражескими армиями. В январе 1630 г. в Москву приехал пушечный мастер Ю. Коет, наладивший производство артиллерийских орудий нового образца. В 1632 г. под техническим руководством другого посланца шведского короля А. Виниуса основаны тульский и каширский оружейные заводы. Впрочем, содействие Густава II Адольфа в техническом перевооружении русской армии и пополнении ее нанятыми в Германии военными специалистами, было щедро оплачено поставками русского хлеба. Швеция, испытывавшая серьезные финансовые трудности, могла содержать огромную армию, насчитывавшую в 1632 г. 147 тыс. человек, лишь за счет французских субсидий и спекуляций русским зерном, перепродававшимся затем в Голландии. За шесть лет (1628-1633 гг.) санкционированный властями вывоз из России дешевого хлеба принес королевской казне чистого дохода 2 408 788 рейхсталеров. На это обстоятельство первым из исследователей обратил внимание К.И. Якубов, позднее его расчеты были подтверждены Б.Ф. Поршневым.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Россия, не участвуя в Тридцатилетней войне, поддерживала те воюющие государства, на помощь которых она могла рассчитывать в предстоящей борьбе с Речью Посполитой. Но отсутствие формального договора о взаимодействии русских, шведских и турецких войск спасло Польшу от неминуемого разгрома. В решающий момент военного столкновения Москва оказалась один на один с Польско-Литовским государством, еще в 1628 г. проинформированном французским правительством о начатой в России подготовке к

войне с поляками. Благодаря этому предупреждению, Речь Посполитая спешно заключила мир со Швецией и сумела подготовиться к отражению русской атаки на Смоленск.

Обзор событий Смоленской войны необходимо предварить кратким перечнем ошибочных, с нашей точки зрения, утверждений и предположений, высказанных историками, изучавшими внешнюю политику России 30-х гг. XVII в. и военные действия русской армии в годы этого вооруженного конфликта.

Так, Б.Ф. Поршневу полагалось, что перед командовавшим русской армией воеводой Шеиным была поставлена задача «вовсе не взятия Смоленска, а отвлечения на себя и сковывания своими превосходящими силами в Смоленске польской армии в целях обеспечения вторжения другого русско-шведского наемного войска в Речь Посполитую с запада, из Силезии». Такой вывод историк сделал достаточно вольно трактуя фразу из наказа Шеину «идти *под* Смоленск», а не «*на* Смоленск». Исследователю стоило обратить внимание на то, что в том же наказе, воеводы М.Б. Шеин и А.В. Измайлов получили приказ «под Смоленском промышляти, и немецким людем и русским салдатом велети промышляти накрепко, и туры поставить и из наряду бить, и подкопы подвести, и всякими меры промышлять с великим раденьем,, чтоб Смоленск взять». Проект Ж. Русселя об организации на русские деньги нападения на западные границы Польши, на который ссылается Б.Ф. Поршневу, так и остался проектом, эти смелые планы в то время не могли быть реализованы.

В другой своей работе Б.Ф. Поршневу попытался обосновать существование «тайны Шеина», который, находясь в польском плену, якобы, присягнул на верность королевичу Владиславу. Патриарх Филарет, по утверждению Поршнева, знавший об этом добился назначения Шеина главным воеводой, рассчитывая, что нарушение присяги обяжет его биться с врагами до победы. Факт обязательства Шеина не воевать с поляками был хорошо известен современникам, привыкшим в эпоху Смутного времени к вольному обращению с присягами, поэтому данная в плену клятва вряд ли заслуживала с их точки зрения большого значения. Использование этого факта в обвинительном приговоре Шеину призвано было оправдать кару, обрушившуюся на проигравшего войну воеводу.

Излишне категоричным представляется тезис А.А. Новосельского, полагавшего, что татарские нападения 1632 и 1633 гг. оказали «самое непосредственное и совершенно очевидное действие на армию Шеина под Смоленском». Нельзя не согласиться, со справедливой критикой этого утверждения Б.Ф. Поршневым, отметившим, что «абсолютно никаких татарских набегов на рубежи Московского государства не было с сентября 1633 г. до июля 1634 г., то есть как раз в течение того почти годовичного периода, когда Смоленская война круто пошла к трагической развязке и завершилась поспешным

Поляновским миром в июне 1634 г. <...> Указанный интервал в истории вторжений из Крыма исключает возможность видеть в них главный фактор неудачи Смоленской войны». Последствия крымского удара по территории союзного Турции государства проявились по иному – со времени нападений 1632 и 1633 гг. заметно изменилось отношение русского правительства к обеспечению безопасности южных рубежей.

* * *

Подготовка к войне потребовала от Москвы чрезвычайных усилий и огромных денежных затрат. Основное внимание было уделено улучшению организации и вооружения русской армии. К 1630 г. общая численность московского войска достигла 92 555 человек. Однако использовать в военных операциях командование могло менее четверти всех наличных боевых сил. На городской службе находилось в то время около 72 тыс. человек. Оставшихся 20 тыс. человек полковой службы не хватало даже для обороны границ. Необходимость реорганизации вооруженных сил была очевидной.

В начале 1630 г. в города Ярославль, Кострому, Углич, Вологду, Великий Новгород прибыли распоряжения о наборе на государеву службу оставшихся беспоместными детей боярских, которым предписывалось быть в «ратном наученье» в Москве у нанятых за границей «кормовых немцев» - А. Лесли и Ф. Цецнера. Предполагалось сформировать два полка «солдатского строя», по 1000 человек в каждом. Всем записавшимся в солдаты детям боярским было обещано «для их бедности» жалованье в размере 5 руб. на человека в год и кормовые деньги по алтыну в день. Каждый из них получал казенную пищаль, порох и свинец. Этим царским указом было положено начало созданию в России полков «нового строя».

Как видно из текста грамоты костромскому воеводе кн. П.Ф. Волконскому, первоначально власти планировали укомплектовать новые полки лишь беспоместными служилыми людьми, неспособными из-за бедности нести полковую службу «со своим городом», сформировав таким образом в дополнение к дворянской коннице дворянскую пехоту нового строя. Весьма показательно, что дворяне-солдаты не лишались сословных прав и продолжали числиться в списках Разрядного приказа.

Однако попытка сформировать солдатские полки лишь из обедневших служилых людей «по отечеству» не удалась. Общее число записавшихся в солдатскую службу детей боярских не превышало 60 человек. Власти вынуждены были допустить также к записи в солдаты вольных людей недворянского происхождения: казаков, татар и их родственников. К декабрю 1631 г. в полках Лесли и Цецнера числилось уже 3323 человека. Каждый полк делился на 8 рот во главе с полковником, полковым большим

поручиком (подполковником), майором (сторожеставцем) и пятью капитанами. Под началом ротных капитанов находились: поручик, прапорщик, 3 сержанта (пятидесятника), квартирмейстер (окольный), каптенармус (дозорщик над ружьем), 6 капралов (есаулов), лекарь, подъячий, 2 толмача, 3 барабанщика и 200 рядовых солдат, из них 120 пищальников (мушкетеров) и 80 копейщиков.

Призывом русских служилых людей дело не ограничилось. В 1630 г. в Россию начинают пребывать, нанятые при шведском посредничестве, иностранные офицеры и солдаты. Их принимали в Великом Новгороде кн. В.Р. Бярятинской, Е. Самарин и дьяк Н. Спиридонов.

В начале 1632 г., незадолго до начала русско-польской войны, число солдатских полков было увеличено до шести. Четыре таких регимента, полностью укомплектованные офицерами и рядовыми приняли участие в походе на Смоленск; пятый и шестой были направлены в армию М.Б. Шеина в июне 1633 г.

Успешный опыт создания пехотных полков московское правительство распространило и на конницу. С середины 1632 г. началось формирование первого рейтарского полка, первоначальная численность которого определили в 2000 человек.

Служба в кавалерии являлась более привычной и почетной для служилых людей и, в отличие от солдатских полков, в новый рейтарский полк охотно записывались обедневшие дворяне, неспособные собраться в поход собственными силами. К декабрю 1632 г. в нем состоял на довольствии 1721 рядовой рейтар из дворян и детей боярских. Командование решило увеличить численность полка до 2400 человек, сформировав в рейтарской части особую драгунскую роту. Процессу быстрого комплектования полка способствовали два обстоятельства. Привлекательность рейтарской службы объяснялась, помимо вышеуказанной причины, более щедрой ее оплатой - рядовые рейтары получали ежемесячно по 3 руб. денежного жалованья и по 2 руб. на содержание строевых коней.

Рейтарский полк состоял из 14 рот во главе с ротмистрами и полковыми командирами. Во время Смоленской войны правительство сформировало драгунский полк, 2 солдатских полка и отдельную солдатскую роту. Эти части были укомплектованы даточными людьми, взятыми с монастырей и поместий, владельцы которых сами не могли выступить в поход (отставных дворян и детей боярских, вдов служилых людей, недорослей). На войну брали по одному конному человеку с 300 четвертей земли «добрых и оружных», сроком на один год или до тех пор «пока Смоленск не очистят».

Драгунский полк состоял из 1600 человек (в том числе 1440 рядовых драгун), разделенных на 12 рот, по 120 рядовых в каждой. Драгуны получали из казны лошадей, оружие, денежное довольствие по 4 руб. в год на одежду и седло, и месячный корм.

Вооружение драгун состояло из пиццали (или мушкета) и пики. Полк имел артиллерию в составе 12 малых пушек с пушкарями и боезапасом 24 ядра на пушку.

Таким образом, за три с половиной года до войны и во время ее правительство сформировало 10 полков нового строя, общей численностью до 17 тыс. человек; из которых к началу войны были готовы 6 солдатских полков (9000 человек). Не довольствуясь, первым опытом формирования полков нового строя, московские власти приняли решение использовать в предстоящей войне с Польшей войска, нанятые за границей. Набор 4 полков ландскнехтов был осуществлен уже упоминавшимся выше полковником шведской службы А. Лесли, направленным в Россию лично Густавом II Адольфом. Получив в русской армии чин «старшего полковника», соответствующий тогда чину генералау, Лесли отправился в протестантские княжества Германии, где набрал около 5 тыс. солдат и переправил их в Россию. Попытка использовать в войне с поляками европейский военный опыт закончилась неудачей. Видимо сказалось обстоятельство, вскрытое А.В. Бородиным, автором рецензии на нашумевшую в свое время монографию Е.Д. Сташевского, посвященную организации и состоянию русской армии в годы Смоленской войны. Исследователь пришел к выводу, что «момент для найма оказался неблагоприятным, так как он совпадал с самым разгаром Тридцатилетней войны, когда спрос на ландскнехтов непрерывно увеличивался, так что Лесли с трудом удалось нанять четыре полка, отличавшихся не только плохими военными качествами нанятых банд, но и своею национальною разношерстностью....». Впрочем, в 1632 г. московское правительство, считало сформированные из иноземцев и русских людей части вполне боеспособными. Полагаясь на их выучку и надеясь на поддержку со стороны Швеции и Турции, оно вступило в решительное вооруженное противоборство с Польско-Литовским государством. Русская военная активность вызвала горячее одобрение у короля Густава. Более реалистично смотрел на состояние московского войска шведский резидент И.Меллер, накануне войны отметивший в своем донесении королю, написанном в июле-августе 1632 г., что Россия к этой войне еще не готова.

* * *

Событием, ускорившим начало военных действий, стала кончина польского короля Сигизмунда III, последовавшая 30 апреля 1632 г. Стремясь использовать сложившуюся ситуацию, русское правительство пошло на демонстративное нарушение условий Деулинского перемирия, заключенного 1 декабря 1618 г. сроком на 14,5 лет. (Формально действие его заканчивалось 1 июня 1633 г.). Решение властей о начале войны с Польшей до истечения перемирных лет поддержал Земский собор, состоявшийся в Москве в июне

1632 г. Военных планов русского правительства не изменило даже произошедшее в те же июньские дни неожиданное нападение крымских татар на южные «украины» Русского государства. Примечательно, что хан Джанибек-Гирей нарушил строжайший запрет своего сюзерена турецкого султана Мурада IV, заинтересованного в сохранении добрососедских и даже союзнических отношений с Россией. Сделанный А.А. Новосельцевым анализ причин этого первого за многие годы большого похода крымцев, не объясняет главного - избранного татарскими и ногайскими мурзами направления своего удара. Исследователь связывал нападение на русские земли с неудачным походом Джанибек-Гирея и Кантемир-мурзы на польские владения на правобережной Украине, состоявшимся в 1629 г. С нашей точки зрения, подобное объяснение лишь запутывает проблему - в условиях разгоравшегося между Москвой и Варшавой конфликта Джанибек-Гирей, наоборот, получил шанс отыгаться за упомянутое тяжелое поражение. Тот факт, что вместо польских пределов вся мощь крымских атак обрушилась на русскую границу, ослабленную уходом донских казаков и лучших воинских контингентов в армию М.Б. Шеина, вынуждает более пристально рассмотреть сообщения о происходивших тогда польско-крымских контактах. Ранее считалось, что первое обращение «литовских» властей о помощи против «москвитов» было получено Джанибек-Гиреем лишь ранней осенью 1632 г. Однако в показаниях, взятых во время этого набега татарских «языков» содержится любопытное упоминание о том, что еще весной 1632 г. «приехал в Казлев (Гезлев – В.В.) рекою Днестром в судне из Литвы литвин, да с ним крымский татарин, который был взят в полон тому года с три, а привез де тот литвин к крымскому царю грамоты, а говорят де, что тот литвин прислан из Литвы к царю о мире, а они де, после того литвина приезда в Крым, пошли на Русь в войну месяц спустя».

Татарское нападение задержало выступление главных русских сил к Смоленску. Только 3 августа 1632 г. передовые части армии, верховное командование которой было вручено боярину М.Б. Шеину и окольному А.В. Измайлову, выступили в поход. Разрядным делопроизводством при больших воеводах ведали дьяки А. Дуров и Д. Карпов.

9 августа Москву покинули главные силы армии Шеина, двинувшиеся к приграничному Можайску, где было продолжено комплектование походного войска. Из-за сохраняющейся военной опасности на южных границах сбор полков затягивался, поэтому воеводы вынуждены были задержаться в Можайске. Лишь 10 сентября Шеин получил долгожданный указ с повелением начать военные действия против Польши. Несмотря на осеннее ненастье, задержавшее продвижение обозов и артиллерии, поход начался успешно. В октябре-декабре 1632 г. русскими войсками были заняты Кричев,

Серпейск, Дорогобуж, Белая, Рославль, Трубчевск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский, Батурин, Невель, Себеж, Красный и некоторые др. города.

5 декабря 1632 года русское командование начало наступление на Смоленск. К тому времени численность армии Шеина достигла 32 тыс. человек. Ей были приданы 151 орудие и 7 «верховых» пушек-мортир, при которых состояло 184 пушкаря. В числе этих орудий были огромные пищали «Инрог» (стрелявшая ядрами весом в 1 пуд 30 гривенок), «Пасынок» (1 пуд 15 гривенок), «Волк» (1 пуд), две «верховые» пушки, вес ядра которых достигал 2 пуда и несколько-mortир, стрелявших ядрами в 2 пуда и меньше. Однако транспортировка «стенобитного наряда» затянулась на долгие месяцы. «Великие» пушки были доставлены к армии лишь в марте 1633 г.

Осада Смоленска началась 17 сентября 1632 г. Русские не торопились штурмовать первоклассную крепость, но окружили город, «поделав сильные блокады, острожки, рвы, перекопы, шанцы и проч.».

Смоленский гарнизон насчитывал, по сообщению перебежчика («выезжего немчина») поручика Р. Стивенса, 2090 человек. Оборону города возглавил подвоеводе капитан С. Соколинский, помощником его был поручик Я. Воеводский. Осажденные имели достаточные запасы продовольствия и испытывали нужду лишь в боеприпасах. В направленном в Москву донесении воеводы, со слов Стивенса, сообщали: «А зельем де в Смоленску незапасно, только ныне в Смоленску пушечного и ручного зелья 90 бочек, и те бочки небольшие, потому де и стрельбы из города живет мало, что поблюдают зелья». Однако, несмотря на это затруднение, о котором стало известно русским властям, полякам удалось продержаться в осажденном городе 8 месяцев, дождавшись подхода к Смоленску польской армии во главе с избранным 13 ноября 1632 г. королем Владиславом IV.

Мощную крепость, укрепленную в свое время лучшими военными инженерами, можно было взять лишь долгой правильной осадой. Время года, избранное русским командованием для начала военных действий под Смоленском, не способствовало их благополучному завершению. С началом осеннего ненастья, полевые армии отводились на зимние квартиры. Редкие отступления от этого правила, при отсутствии регулярного снабжения войск заканчивались обычно тяжелыми поражениями отрядов и армий, действовавших на вражеской территории вдали от основных своих баз. Осада Смоленска подтвердила эту истину.. Зимние месяцы 1632-1633 гг. русские ограничивались блокадой крепости и лишь в ночь на Рождество Христово «стали в первый раз пробовать счастья», атаковав крепость со стороны «Сарлового» (Сигизмундова -?) укрепления. По-видимому, при недостатке осадной техники, ставка была сделана на внезапность атаки, но противник был настороже и осаждающие прекратили штурм. Только в марте 1633 г. из Москвы

доставили осадную артиллерию и начали бомбардировку города. Орудийным огнем и минами, подведенными под стены Смоленска, была разрушена часть городских укреплений. Тем не менее, осажденные успели сделать насыпной вал за разрушенными участками стены и отбить два русских приступа, произошедшие 26 мая и 10 июня 1633 г. Неудачные штурмы крепости парализовали армию Шеина, войска которого более не предпринимали активных действий под Смоленском.

Активность русских сил сдерживала группировка литовских войск под командованием А. Гонсевского и Х. Радзивилла, расквартированная в 40 верстах от Смоленска под селами Красным и Баево. Несмотря на малочисленность находившихся в их распоряжении отрядов (по польским сведениям в войске гетмана Радзивилла было всего 4580 человек), литовцы постоянно тревожили русскую армию, 17 марта 1633 г. им удалось перебросить в Смоленск подкрепление (сначала 500 человек, а затем еще 400 с поручиком гетманским паном Меделянским) и необходимые припасы, поддерживая боеспособность защищавшего город польского гарнизона. Вопреки настойчивым требованиям воеводы Передового полка окольного кн. С.В. Прозоровского атаковать войско гетмана, «покамест он нам в силу», Шеин занял выжидательную, пассивную позицию, предоставив инициативу противнику. В итоге это привело его армию к поражению.

Военные действия не ограничились операциями на смоленском направлении. Русские воеводы попытались атаковать противника и на других направлениях, поляки и литовцы наносили ответные удары.

Передовые неприятельские отряды приходили в Себежский уезд и под Путивль уже в конце декабря 1632 – начале января 1633 г. Эти авангарды были сравнительно легко отражены. Особенно тяжелые потери понес пришедший в себежские места отряд пана Корсака (200 чел.). Он был настигнут и разбит русскими стрельцами и конными казаками на реке Орлее в 20 верстах от Себежа. В бою погиб и сам Корсак. В конце января 1633 г. под Себежем был разбит еще один литовский отряд, которым командовали полковник Комар и ротмистры Кирик и Озерицкий. По их следам русскую границу перешли более значительные силы. 27 февраля 1632 г. Путивль штурмовал 5-тысячный отряд полковника А. Пясочинского, но возглавлявшие оборону города воеводы кн. А.Ф. Мосальский и А. Усов отразили вражеское нападение. Устроив вылазку, русские воины сражались «с теми литовскими людьми <...> во весь день и, Божию милостию, а государя <...> счастием, польских и литовских людей побили, а в языцах взяли 32 человека». В марте 1633 г. 2-тысячный отряд полковника Волка напал на Стародуб, но не смог овладеть хорошо укрепленным городом и отступил. В апреле противник также безуспешно штурмовал

Новгород-Северский, в мае – Путивль. Но в июне 1633 г. на южную русскую границу обрушилось 5-тысячное запорожское войско полковника Я. Острянина. Казаки взяли и разорили г. Валуйки, а затем осадили Белгород. Противнику удалось захватить острог, но 22 июля 1633 г. при штурме Белгорода черкасы понесли тяжелые потери (только убитыми 400 человек) и вынуждены были отступить. Совершенно неожиданной для противника стала вылазка, организованная защитниками Разуменских ворот. Оборонявшийся здесь отряд под командованием стрелецкого и казачьего головы В. Хитрого, численностью 214 человек (24 станичных головы, 86 дворян и полковых детей боярских, 28 станичных детей боярских, 9 стрельцов, 63 донских и два верстанных казака, а также стрелецкий сотник и подьячий съезжей избы П. Степанов), внезапно атаковал запорожцев. Белгородцы не только разрушили установленные под стенами крепости туры, щиты, приметы и лестницы, но и уничтожили 78 казаков, остальных обратив в бегство, а одного из них взяв в плен.

На северо-западном (псковском) участке фронта русские войска продолжали атаковать литовское пограничье. В конце мая 1633 г. войско П. Лукомского и С. Мякинина ходило из Великих Лук на Полоцк. 2 июня оно овладело полоцким острогом, но затем отступило, так как подвоеводе Я. Лисовский с оставшимися у него «немногими» людьми смог удержаться во внутреннем замке. Однако Полоцк был страшно разорен. Как доносил в Москву луцкий воевода П.А. Репнин его подчиненные в этом походе «многих полских и литовских людей побили и ротмистра гайдутцкого убили и острог и в остроге посады и за Полотою рекою посады ж выжгли и высекли без остатков. И многие де литовские люди во дворех заперлись и погорели и в Двине многие потонули. И наряд и знамена и барабаны и языки литовские поимали». На обратном пути войско Лукомского и Мякинина довершило разорение Полоцкого повета. Летом 1633 г. другие русские отряды совершили нападение на велижские, усвятские и витебские места.

События лета - начала осени 1633 г. стали переломными в ходе военных действий. Определенное воздействие на утрату Россией стратегической инициативы оказало новое нападение крымцев. В мае-июне 1633 г. татарское войско царевича Мубарек-Гирея, «по покупке» польского короля, вторглось в южнорусские уезды. Прорвавшись через Оку, крымские и ногайские отряды дошли до Каширы, опустошив значительные территории Московского, Серпуховского, Тарусского, Рязанского, Пронского и др. уездов.

Очевидно, что польско-литовские, запорожские и татарские атаки на южнорусские города и псковское пограничье призваны были отвлечь внимание московского командования от Смоленска и, по-видимому, достигли своей цели.

В августе 1633 г. начался поход нового польского короля Владислава IV, стремившегося одним ударом решить исход войны. 9 мая гнездинский епископ освятил королевскую рапиру и знамя. В тот же день польская армия выступила из Варшавы на помощь Смоленску. 25 августа его 15-тысячное войско подошло к осажденному городу. В этой ситуации Шеин занял выжидательную позицию, что и предопределило поражение его армии. Бездействие русских воевод было отмечено даже в польских документах. Автор «Дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королевичем Владиславом 1632-1634 гг.» писал, что при приближении польской армии «неприятель смотрел на это и ни разу не выстрелил и не двинулся из своих острожков». Воспользовавшись пассивностью русского командования, Владислав в тот же день «ударил на передовые неприятельские острожки и <...> вытеснил неприятеля из острожка, защищавшего мост, перекинутый через Днепр». Окончательно судьбу кампании сражение у Покровской горы 11-13 сентября. Оно завершилось поражением русской армии, блокированной в своем лагере под Смоленском. Узнав о тяжелом положении Шеина, из Москвы были срочно направлены подкрепления: рать кн. В.А. Черкасского и кн. Е.Ф. Мышецкого, состоявшая в основном из даточных людей. Однако соединиться с главной армией резервные войска не смогли – к этому времени «король под Смоленским острожки поимал и в город прошол». Полки Черкасского и Мышецкого вынуждены были стать в Дорогобуже, в спешно построенном острожке на р. Пнева.

Королевское войско, подошедшее к местам боев в августе 1633 г., окружило русский лагерь под Смоленском линией своих укреплений. Позже оно было усилено приходом 20-тысячной запорожской армии под командованием гетмана Т. Арандоренко. Полякам и запорожцам не удалось с ходу разбить стоявшую под городом армию Шеина, однако она оказалась полностью блокированной поляками. В течении четырех месяцев, будучи отрезанными от своих баз снабжения, русские войска отбивали атаки королевских войск. 15 февраля 1634 года, не имея никакой связи с Москвой, под нажимом немецко-полковников, Шеин вынужден был согласиться начать переговоры с поляками об условиях «почетной» капитуляции. По условиям заключенного между русскими воеводами и гетманом Х. Радзивиллом договора, подписанного в королевском лагере 21 февраля 1634 г., русские войска с личным оружием, но без артиллерии, запасов и снаряжения, беспрепятственно отступили к границе. Самым тяжелым условием соглашения стало вынужденное согласие Шеина выдать полякам всех перешедших на его

сторону перебежчиков. В дальнейшем именно этот пункт договора, заключенного главным русским воеводой без согласия Москвы, сыграл решающую роль в его судьбе¹.

О потерях армии Шеина, свидетельствуют следующие данные: численность ушедших с ним из под Смоленска воинов равнялась 8056 человек, оставшихся на излечении в русском лагере больных и раненных воинов оказалось 2004 человека. По условиям соглашения, после излечения они должны были вернуться в Россию. Из 2140 иностранных солдат, остававшихся в составе русского войска, около половины тогда же перешло на службу к полякам.

Тяжелое положение главной русской армии под Смоленском вынудило московское правительство срочно приступить к формированию резервной рати, во главе которой были поставлены кн. Д.М. Черкасский и кн. Д.М. Пожарский. Костяк войска составил государев «двор» и отряды городских дворян, спешно переброшенные в Можайск. Однако в боях с поляками эта армия не участвовала. По-видимому, правительство просто побоялось лишиться своей последней защиты. Русские силы на других участках фронта также были скованы наступлением значительных неприятельских войск. Так, в январе 1634 г. под Себеж пришли полковники Лузгиня и Муравицкий, имевшие под своей командой 2300 гусар и черкас. По сообщению языков, противник собирался продолжить наступление в направлении Опочки, Великих Лук и Невля. Действительно, в начале весны 1634 г. отряды полковника Муравицкого приходили под Великие Луки. 29 марта русские войска атаковали неприятеля. Бой продолжался «с ута до раннего вечера». Потерпев поражение, «польские и литовские люди бежали». Преследовали их на протяжении 5 верст. После этой неудачи полковник Муравицкий прорвался в Невельский уезд, был настигнут там, «бою не дал» и ушел «за рубеж к Озерищам». В мае невельский воевода Н. Плещеев посылал свои отряды на Озерище. В бою под этим городом литовцы потерпели поражение, укрылись в городе, победители захватили «стада конские и всякую животину» и «отогнали» их на свою сторону.

Ситуация на западном направлении также стабилизировалась. После победы под Смоленском главная польская армия попыталась двинуться на территорию Московского государства, но была остановлена героической защитой гарнизона города-крепости Белая, численностью немногим более 1000 человек. Поляки попытались взорвать укрепления

---

¹ 28 апреля 1634 г. М.Б. Шеин, А.В. Измайлов и его сын В.А. Измайлов были казнены в Москве по приговору Боярской думы, вынесенному 18 апреля. Имущество их было конфисковано, а члены семей сосланы. Младшие воеводы осаждавшей Смоленск армии кн. С.В. Прозоровский и кн. М.В. Белосельский были приговорены к ссылке в Сибирь, но участь их была несколько смягчена. С.В. Прозоровский был сослан в Нижний Новгород, а тяжело больной М.В. Белосельский оставлен под домашним арестом в Москве. – ААЭ. Т. 3. № 251. С. 382 (текст приговора), 282-388 (объявление приговора), 389 (казнь Шеина, Измайловых, наказание других осужденных).

Белой с помощью подземной мины, однако горокопы не смогли точно проложить галлерею и при взрыве фугаса, нисколько не повредившего крепостных сооружений, погибло 100 польских пехотинцев. Вслед за этим, во время вылазки русским удалось ранить самого короля. Всего в боях под городом противник потерял не менее 4 тыс. человек. Неожиданная неудача королевских войск, сказавшаяся на военной славе короля Владислава, вынудила польское правительство прекратить военные действия и начать мирные переговоры с Россией.

В феврале из Москвы под Смоленск был направлен гонец А. Агибалов с предложением «съехотца о миру и полониками розменитца на обе стороны». Польская сторона достаточно благосклонно встретила русские предложения. Вместе с Агибаловым в Москву был направлен пан М. Воронец (Вороновский). В ходе предварительных консультаций стороны договорились начать переговоры, на которых Московское государство представляли боярин Ф.И. Шереметев, окольный кн. А.М. Львов, окольный С.М. Проестев и дьяки Г. Нечаев и В. Сергеев. Первые посольские съезды произошли в начале весны 1634 г., к началу июня польским и русским представителям удалось согласовать наиболее спорные условия будущего договора.

4 июня 1634 года между представителями Московского государства и польскими комиссарами - коронным канцлером Я. Задзиком (Жадзиком) и литовским гетманом Х. Радзивиллом - был подписан Поляновский мир. Согласно условиям этого соглашения, заключенного в селе Семлево на пограничной реке Поляновке (между Вязмою и Дорогобужем), России возвращался г. Серпейск с небольшой округой, границы которой были определены на межевом съезде 1637 г. Поляки обязались передать Москве крестоцеловальную запись русских бояр избранному в 1610 году царем польскому королевичу Владиславу, ставшему теперь королем Речи Посполитой. Нуждаясь в деньгах, он за 20 тысяч рублей отказался от титула «государя всея Руси». Уступая настойчивым требованиям русских послов, поляки согласились вернуть в Россию тело плененного и замученного ими московского царя Василия Ивановича Шуйского.